

Виктор Меркушев

БЕЗ СУДЬБЫ

Виктор Владимирович Меркушев Без судьбы (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12735239
Без судьбы./ Меркушев В.В.: Знак; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-91638-109-2

Аннотация

Этот сборник коротких рассказов и эссе о сложных взаимоотношениях человека с миром, когда он, человек, стремится жить согласно своим внутренним принципам и убеждениям, не обращая внимания на общепринятые нормы поведения и не ущемляя при этом ничьей свободы. В какой-то мере это осмысление попытки независимого существования в социальной среде, когда она никак не влияет ни на самореализацию, ни на жизненные установки. Повествование не всегда ведётся от первого лица, но всегда от внутреннего «я» героя, заставляя читателя быть сопричастным к его мыслям и чувствам.

Содержание

Озарение Хозе	4
Полог бездны	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Виктор Меркушев **Без судьбы**

Озарение Хозе

* * *

Мир стремительно катился в лето. В изнуряющую жару, в мутную зелень листвы, в зыбкую даль розовых облаков... Лето наваливалось на Хозе всей своей тяжестью, душило запахами пыли и сохнувшей травы, бесстыже дразнило обнажившимися тротуарами и раздетостью площадей. Всё это обрушилось на Хозе вместе с нахальным шумом непрекращающейся сиесты и многоголосого речитатива, окрашенного праздностью и какой-то пустой вульгарной мечтательностью.

Хозе щурился от небрежного света и старался свыкнуться с новой реальностью, которую новой можно было назвать лишь условно, поскольку она повторялась из раза в раз с обескураживающей аккуратностью, когда на часах года наступал июнь.

* * *

Солнце обильно заливало землю медовым зноем, который разливался по ней, выбрасывая в небо множество раскалённых струй. От них у Хозе рябило в глазах, и это колебание воздуха будило в его душе волнующие видения, которые мало чем отличались от зыбкой реальности, искрящейся фальшивым блеском солнечной мишуры.

Так и было вплоть до наступившего лета: реальность никак не хотела сводиться в целостную гармоническую картину. Она постоянно дробилась и распадалась на части, где всякий её фрагмент ничем не был обязан предыдущим, и, как казалось Хозе, не зависел от объективных обстоятельств, а вырастал из подступивших предчувствий, из случайностей, из ничего.

Однако этим летом всё изменилось.

То ли по случаю тяжёлой жары, ослабившей привычный природный пульс, то ли по причине сонливой июньской истомы, замедляющей все процессы и общий жизненный ход, среди всеобщего хаоса и суеты стало отчётливо просматриваться странное явление – неумолимое и ни на минуту непрекращающееся вращение всего и вся вокруг него, Хозе. Ведь если замереть и немного затаить дыхание, то становилось заметно, что вокруг него кружились не только расположенные в непосредственной близости переулки, террасы и сады, но и то, что двигалось по периферии: звёзды, туманности и алмазные россыпи далёких галактик.

Оставалось лишь сожалеть, что окружающий мир совсем не замечал Хозе, словно бы мог преспокойно вращаться даже в отсутствии своего персонифицированного центра. В то время как Хозе исключительно остро ощущал, что без него, Хозе, невозможно обойтись никак. Ведь только он был способен видеть в общей круговерти предметов, событий, тел и явлений и медленные течения, и ускоряющиеся потоки, только он мог понимать и разделять их, предугадывать следствия и объяснять причины. А ещё он умел достраивать в своём воображении вечно меняющуюся картину мира, наделяя подходящими смыслами всё, что ещё не имело ни имён, ни значений.

Более того, без Хозе ничто не могло быть независимым и самодостаточным, не обладало ни полноценным духом, ни полновесной плотью. И, тем паче, никто не мог разобраться в запутанной круговерти жизни, явленной во множестве фрагментов, которые, подобно разбегающимся в пространстве космическим объектам, необратимо разбегались во времени.

Однако Хозе всё равно по-прежнему никто не замечал, словно бы его не существовало в этом скопище миров, покорно и торжественно обращающихся вокруг.

* * *

Надо сказать, что внезапное знание, в одночасье открывшееся Хозе, его совсем не тяготило, не обостряло сознание собственной исключительности и не провоцировало к бессмысленным спорам. Строго говоря, внешне оно не повлияло на Хозе никак. Если, конечно, не считать что качественно переменялась его внутренняя жизнь.

Одного только не мог взять в толк Хозе: в какой степени он влияет на то, что видит или, как и прежде, повинны во всём болезненные солнечные миражи.

Так или иначе, но Хозе чувствовал себя причастным к любому природному воплощению, словно по его воле повсюду всходила упругая шелковистая трава, вызревали, обратившись к солнцу, разнообразные плоды, вырастали по течениям рек упрямые города и перетекали в океаны далёкие полноводные моря. Хозе с удивлением вспоминал о фрагментарной разбросанности прежней жизни и уже не мог представить себе, что способно нарушить монолитность и единство общей картины мироздания, если огромный поток вовлекает в себя всё сущее, перемешивает, соединяет, сводит несводимое и разделяет то, что не в состоянии существовать по частям. Причём влечёт следом не как послушную инертную массу, а фактически отождествляет с собой, где ведущее и ведомое попросту неразличимы.

Глядя на это вселенское коловращение, Хозе не переставал изумляться, что кто-то, находящийся в этой стихии, способен испытывать одиночество, скуку, терзаться неразрешимыми вопросами и полагать себя отдельным существом, когда единым организмом может считать себя только эта согласная материя, подчинённая своим внутренним законам с невыразимыми алгоритмами вселенского бытия.

Хозе делалось как-то спокойнее от сознания некоей смысловой завершенности, которую давал этот движимый неведомой силой совокупный поток, и то обстоятельство, что он, Хозе, находится в его центре, качественно не меняло ощущение единства и слитности со всем остальным миром.

Хозе мог допустить, что наблюдаемое им движение имеет куда более сложную конфигурацию, нежели примитивную плоскую спираль, мог даже предположить, что является не единственным её центром, а просто потоку свойственно образовывать воронки вокруг нефрагментированного сознания, целиком погружённого в созерцание поднебесного миропорядка. Но это было неважно.

Важно, что Хозе перестал воспринимать жизнь как вечное ожидание чего-то, как неизменно проигрышную лотерею, как наскоро пишущийся черновик...

Он знал теперь, что деревья, горы, плывущие облака – суть его непосредственное продолжение, и что он действительно независим от времени, ибо всё, что с ним и его окружением происходит, носит не временной характер, а исполнено смыслового, сущностного значения.

* * *

Бетон ночной набережной был так прогрет полуденным зноем, что сделался почти мягким, и шаги Хозе по нему казались бесшумными.

Сверху ему подмигивали звёзды, продолжая своё величественное круговое движение, только это было не столь очевидно – звёзды были слишком далеко. Зато лунная дорожка, посеребрившая морские волны, зримо тянулась за Хозе следом.

Она никак не желала отставать и увлекала его взгляд далеко за море, в ночное небо.

Хозе смотрел в даль так, словно пытался своим взором заглянуть в самого себя.

А чуть поодаль, в нескольких шагах от Хозе, расположилась влюблённая парочка. Они тоже любовались лунной дорожкой, которая бежала за ними следом. И тоже были уверены, что мир вращается вокруг них...

Полог бездны

Если бы в юности Эльзе сказали, что ей случится жить в этом райском местечке, с давних пор облюбованном богачами и знаменитостями, – Эльза бы не поверила. И вовсе не оттого что считала такое чем-то недостижимым для себя, нет, просто она полагала это место ярмаркой тщеславия, где всякий старался убедить себя и других в своей успешности и исключительности. А тщеславием Эльза не обладала.

И время почти не изменило её. Она смотрела на исполненных праздности беззаботных жителей и гостей городка, и от её внимательного взгляда не ускользали ни душевная лень, ни скука, ни выжигающая изнутри пустота. Все вокруг говорили, что здешние солнце и море легко справляются с такими чудачествами человеческой природы, только Эльза никому не прощала подобных слабостей, отчего и держалась замкнуто и незаметно.

Она жила в старом особняке, прилепившемся к самому краю огромной скалы. Её владения хорошо просматривались только с моря, и издали казалось, будто увитое плющом здание, увенчанное розовой остроконечной башенкой, невесомо парит в воздухе над морской гладью, вместе с парковой зеленью, на фоне которой башенка читалась как старый забытый маяк.

От этого приметного здания петляла вниз крутая извилистая лестница, выходившая своей последней площадкой к небольшой пристани. Для Эльзы пристань была естественным местом уединения, хотя немногие её соседи могли бы похвастаться таким огромным жизненным пространством: у Эльзы был не только просторный дом с уютным висячим садом, расположившимся на двух прямоугольных террасах, но и примыкающий к саду итальянский парк, полукругом отгораживающий её особняк от остального местечкового мира.

Пожалуй, неверно думать, что Эльзу стесняло представленное в городке общество, и она повсюду искала спасительного одиночества – нет, зачем желать того, что ты и так всечасно носишь в своём сердце и даже готова поделиться им со всеми страждущими, будь такое хоть как-нибудь возможно.

Однако её совсем не соблазняла мысль избавиться себя от одиночества путём банального механического сложения. Так поступали многие в городке – они просиживали в дорогих казино и иных увеселительных заведениях, устраивали приёмы, либо просто приятельствовали, если к такому странному взаимодействию несовместимых людей применимо подобное определение. Только одиночество никуда не девалось, от разного рода заведений не появлялось ни заявленной «весёлости», ни должного отвлечения, разве что накапливалась в душе та раздражающая оставленность и пустота, которая, в конце концов, приводила к потере веры в этот заповедный мирок для избранных.

На узком бетонном причале, ведущем от её особняка в море, Эльза никогда не думала об одиночестве. Если бы её в этом месте спросили – справляется ли здешнее солнце и море с такой особенностью человеческого социального устройства, то Эльза бы, не задумываясь, ответила «да».

Ей казалось, а, может быть, так оно и было на самом деле, что здесь, на узкой полоске бетона, всё обстояло иначе, нежели на прочей территории суши и воды, не имеющей такого нейтрального, неопределённого статуса. Причал вечно находился между берегом и морем, между отчаливанием и швартовкой, между встречами и расставаниями, между волнующим «до» и торжествующим «после». Эльза была убеждена, что приходя сюда, человек существенно перемещается из мира суеты в мир ожиданий и надежд, где над ним не властны законы времени и не имеют значения никакие условности и предрассудки дольного мира, бытующие там, за каменными оградами её владений.

Причал, хотя и находился на территории, формально числящейся за Эльзой, фактически ей не принадлежал, как, собственно, и вся береговая полоса. Эльза любила сидеть на причале и наблюдать как мимо неё снуют туда-сюда разнообразные маломерные суда, как карабкаются по мокрому бетону проворные крабы, выползая из лазоревых пучин погреться на солнце, как рассеянно бредут по берегу досужие отдыхающие, и как игривые дельфины, перепрыгивая через волны, расправляют в полёте свои упругие тела.

Всё мироздание, собравшись перед Эльзой в безмятежных сменяемых картинках, представало неутомимым калейдоскопом, лишённым противоречий и презирующим время.

Эльза чувствовала себя молодой и красивой, такой, какой она была лет двадцать назад, и какой по-прежнему видела себя в тёмных зеркалах воды, задумчиво танцующей вокруг неё. Оттуда на Эльзу неизменно смотрела смуглая длинноволосая брюнетка с карими миндалевидными глазами и вечной насмешливой полуулыбкой, которая приводила в лёгкое замешательство мужчин и доводила до иступления женщин.

«А что, собственно, поменялось, – разговаривала сама с собой Эльза. – Некоторые юноши ещё оборачиваются, глядя мне вслед, а девушки до сих пор не перестают видеть во мне соперницу». Ей в ответ что-то неясно шептали волны, скорее всего, о чём-то о своём, далёком, но Эльзе казалось, что над ней и её горделивым одиночеством посмеивалась не только вся морская хлопотливая зыбь, но и весёлые дельфины, перепрыгивающие через волны, проворные крабы, специально по такому случаю поднявшиеся из лазоревых пучин и даже досужие отдыхающие, с любопытством поглядывающие в сторону привлекательной незнакомки.

Тот, кто плохо знал Эльзу, считал её высокомерной чудачкой, кто знал её чуть лучше – сочувствовал и откровенно не понимал её невольного затворничества, а кто – хорошо... Нет, хорошо Эльзу не знал никто, даже она сама.

Он появился внезапно, неожиданно, можно даже сказать, нахально. Эльза заметила его сидящим на причале, едва начала спускаться по лестнице, ведущей к морю. Хотя внешность никак не изобличала в нём нахала: он был нескладным и бледным, с правильным незапоминающимся лицом, обрамлённым светлыми девичьими кудрями. Сидел он чуть сгорбившись, подобрал коленки и неловко спрятав ладони, как обычно делают робкие, не очень уверенные в себе люди.

Эльза смотрела на него с последней лестничной площадки и не решалась приблизиться. Он расположился прямо на её излюбленном месте. Это совсем не понравилось Эльзе. Но ничего особенного в этом не было бы, если б не одно обстоятельство.

Эльза вспомнила, что на днях у городского фонтана она могла видеть этого юношу. Он стоял всего в нескольких шагах от неё и был похож на сотни прочих празднующихся, заполнивших всю площадь и особенно скучившихся возле её центра, где дышал прохладной водяной пылью огромный фонтан.

Эльза давно научилась читать взгляды и могла без труда понимать их язык настолько, что любой вербальный эквивалент казался ей ущербным и не содержащим главного. Но читать взгляды умела не только она. Эльза это очень хорошо понимала и, чтобы не начинать таких безмолвных диалогов, обычно быстро отводила глаза. Однако тогда, у фонтана, она всё-таки поступила иначе и лишь оттого, что не сумела прочесть немого послания незнакомому юноше.

Что-то, конечно, ей удалось понять и услышать, но не было в этом ни знакомого и привычного волнения новизны, ни предвосхищения мучительной тревожности, трепетного восторга и всего того, что обычно приносит с собой любовь.

Да, она ответила ему, но всё, что он смог бы услышать, не могло его ни обрадовать, ни обнадёжить.

Смутное, тёмное чувство удерживало Эльзу на месте и она так и не решилась ступить на причал. Конечно, она могла пройти к своей яхте и не заметить странного паренька, но нечто первобытное, сверхчувственное принуждало её стоять на месте и выжидать.

По всему было видно, что он уже давно заметил её и даже развернулся вполборота, очевидно предлагая ей заговорить первой.

Что Эльза могла ему сказать? О, очень многое, куда больше, нежели он бы захотел услышать. Видимо своим первобытным чутьём она ощутила страшную для себя истину. Непонятно откуда она это взяла, может быть расслышала невнятное бормотание судьбы, а может быть, этот юноша принёс с собой её тайный знак, только Эльза была убеждена, что между ней и молодым человеком пролегает роковая черта, за которой уже не будет ни любви, ни надежды, ни веры.

Эльза смотрела в синюю морскую даль, туда, куда по привычке устремлены все человеческие мечты, и старалась не замечать парня, на котором эти мечты, согласно подсказке судьбы, могли оборваться.

Как всё-таки смешон человек, если глядеть на него оттуда, где больше не мечтают и грезят, а лишь скорбно подводят итоги. Сама не осознавая как, но Эльза как раз очутилась на таком месте; она словно оказалась за гранью внезапно обрушившегося бытия и смотрела на себя и свою теперешнюю жизнь не столько с сожаленьем, сколько с сарказмом. Всё, чего она так долго ждала, о чём мечтала, было в своё время не замечено ею, не узнано и не понято. Она всегда верила только в будущее, не обращая серьёзного внимания на настоящее. Теперь она жалела об этом, но могла ли она что-либо изменить?

Эльза мысленно перебирала в памяти своё прошлое, останавливаясь на значимых развилках судьбы, особо придирчиво пересматривая то, что могло с ней произойти, но не случилось. Она вновь и вновь примеривала на себя несбывшееся и всякий раз убеждалась в том, что не могло быть никакого иного пути, кроме уже пройденного. То, что она имела, и то, что она желала неизменно шли рядом, не пересекаясь, и никак не влияя друг на друга. Эльза с ненавистью смотрела на юношу, вздумавшего зачем-то преследовать её и всё более утверждалась в мысли, что мечты неосуществимы.

Как все женщины она тоже мечтала о любви. Она хорошо помнила, как двадцать лет назад судьба свела её с Руди, на этом же самом месте, на узком бетонном причале. Только как же ранима любовь и как же недолговечно счастье, как поздно осознаешь незначительность приобретённого и ценность потери!

Эльза снова мысленно вернулась туда, где лазурные волны шептались между собой о юной темноволосой девушке с карими глазами и крепком молодом мужчине с бледным веснушчатым лицом и светлыми девичьими кудрями. И что же тогда она сделала не так? Почему и за что?

Эльза испытывающее глядела на судьбу, но та тушевалась, отводила глаза и не давала ясного ответа. А, может быть, ей нечего было сказать Эльзе, кроме как лишний раз упрекнуть её в небрежении к настоящему и переоценке будущего. Только судьба никогда не слышала Эльзу, не позволяя ей не только право свободной воли, но привычно выбирая за неё, кого-нибудь приводя за собой, как этого кудрявого юношу. Его внешнее сходство с Руди казалось Эльзе кошунственным, ведь воспоминания о том времени – это, пожалуй, самое дорогое, чем владела Эльза. Теперь и это хотела отнять у неё судьба.

Эльзе вдруг захотелось во всём действовать наперекор судьбе и впредь поступать исходя исключительно из собственной прихоти, больше не согласуя свои поступки с разумом. Она прекрасно понимала, как это будет непросто. Очень многие могли поставить Эльзе в вину её сухость, неотзывчивость и даже жестокость, но никто не мог упрекнуть её в глупости или невежестве.

Доводы рассудка лежали в самой основе её затворничества, а её критический ум не оставлял никаких шансов недалёким волокитам и другим искателям приключений, которые имели неосторожность рисковать собственным самолюбием ради её внимания.

Эльза верила, что её избранник родом из будущего. Этим он, пожалуй, и отличался от Руди. Мысли о Руди не желали покидать Эльзу и он незримо оставался с ней рядом. Но избранник из будущего неизменно шёл следом, и не замечать его было нельзя. С ним Эльза связывала то, что нельзя описать никакими словами, оттого любовь, поглощение, забвение были из какой-то иной системы координат, и для неё мало что означали. Любая влюблённость искривляет пространство мира, в котором приходится жить, а то, что представлялось Эльзе – сворачивало этот мир в клубок, со всеми его многочисленными абсциссами и ординатами.

Эльза чувствовала в себе эту дремлющую силу, которая притягивала её, завораживая и увлекая, но та же самая сила пугала и отталкивала, внушая ей страх и беспокойство перед неизвестным.

Природа и культура были для Эльзы не просто отвлечёнными абстракциями, она привыкла жить в состоянии, когда за любой её шаг по направлению к той или другой, первая не мстит, а вторая не осуждает. Впрочем, приемлемого компромисса всё-таки не получалось: стороны оставались непримиримы и вели друг с другом войну на уничтожение. Линия между ними не являлась той пресловутой границей добра и зла, проходящей через сердце каждого, нет, подобные категории здесь попросту оказывались неуместными, ибо на добро и зло у каждой из противоборствующих сторон были собственные виды.

Безусловно, Эльза хорошо понимала причину своего неожиданного сверхчувственного состояния – это природа сама подошла к ней так близко, что целиком завладела её сердцем. А вид оттуда, не с высоты разума, а из глубины сердца, сильно отличался от обычного вида сверху: просто на узкой полоске бетона сидел глуповатый паренёк, решивший пофлиртовать с богатой женщиной, рассчитывая за это получить щедрое вознаграждение. Если бы он ещё и умел думать, то совсем бы иначе искал для себя и любовь, и деньги.

Хотя, наверное, только такие и могут нести на себе тайные знаки чужих судеб.

Эльза, привыкшая не смотреть в глаза собеседникам, сейчас напротив, не отрывала своего взгляда от лица юноши. Она мягко опускалась по лестнице к причалу, подобно хищной кошке, готовящейся к прыжку.

Молодой человек почувствовал это и обернулся. Было видно, что он хотел что-то сказать, но передумал, и было от чего. Эльза вплотную подошла к юноше и присела рядом на колено, немного потянув на себя платье, так, чтобы его разрез лишь слегка прикрывал низ живота. Она вдруг стала гибкой и невесомой, и сильно изогнувшись, она наклонилась над юношей и посмотрела ему прямо в глаза.

Из неё на юношу взирала гибельная непобедимая сила, возраст которой измерялся миллиардами лет. Этой силе были нипочём потопа и ледники, мрак океанов и разломы материков. Она была сильнее смерти, ибо не видела в ней помеху и никогда не принимала её в расчёт. Своим пульсом она наполняла планету, отчего на бесприютных просторах земли и воды возникала и утверждалась всё новая и новая жизнь. Никакая иная сила была не в состоянии её превозмочь. Даже сила судьбы.

Эльза чувствовала это каждой клеткой, её тело трепетало торжеством и горячим пламенем внезапной страсти.

Юноша успел ещё что-то сказать, перед тем, как исчезнуть. Нет, он не ушёл, как можно было бы подумать, а растворился, перестал быть, превратившись в плотное розовое облако. Облако легло над морем и туманными струями протянуло к городу свои длинные рукава. В воздухе запахло дурманящим запахом цветов, Эльза даже не поняла каких, пока с неба на землю не посыпались красные лепестки роз. Люди на берегу начали ловить их и зачаро-

ванно смотреть в небо. То, что случилось с Эльзой, произошло и с другими, теми, кто случайно оказался поблизости от неё. Лепестки роз засыпали город, освобождая души людей от выжигающей изнутри пустоты, и город вероломно захватила любовь.

Он наполнился любовью и стал похожим на весенний ток. День был неотличимым от ночи, а будни от праздников, хотя никому не приходило в голову заглядывать в календарь или смотреть на часы.

Везде было пронзительно тихо, люди не разговаривали и при встрече не узнавали друг друга. Это, наверное, происходило от того, что в языке любви не существовало слов, а жители городка изменились настолько, что вряд ли могли вспомнить свои имена.

Эльза, хотя и являлась первопричиной стихийно возникшей эпидемии, была, пожалуй, единственной, которой удалось сохранить ясность ума в атмосфере тотального безумия.

Но обезумевший от любви город нравился ей гораздо больше, нежели прежний, чопорный и высокомерный. Даже несмотря на то, что в нём привычно никто не был равен самому себе, однако более никому не приходилось притворяться и убеждать других и самого себя в чём-то совершенно пустом и ненужном.

Неслучившееся, непрочувствованное, затерянное в суете и бесцветной житейской повседневности прорывалось наружу и соединялось с мечтой. С мечтой о любви, конечно, поскольку мечта о любви и есть самая волнующая, самая сокровенная.

Если бы Эльзу сейчас спросили, понимает ли она, что такое одиночество, она бы, безусловно, ответила отрицательно. Одиночество испарилось подобно посланному ей знаку судьбы, этому несчастливому юноше, который вряд ли существовал в реальности, а был, скорее, симптомом её болезни, которая впоследствии перекинулась на весь город.

Вопреки всему Эльза сохранила ясность ума и не забыла, как прочие, своего имени, но её память всё-таки ослабла. Вся её прошлая жизнь представлялась полузабытым сном, ярко помнился только её избранник, принадлежащий будущему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.